

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).083

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.171–179

**ИСТОРИК И ПРИЗРАК ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ В.В. ПРОТИВОСТОЯНИЕ.
СПЕЦСЛУЖБЫ, АРМИЯ И ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ ПАДЕ-
НИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1913 – 1917 ГГ. М.: ИЗДА-
ТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2020. – 648 С.).**

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В рецензии показано, что хотя автор книги проделал весьма основательную исследовательскую работу, его книга не лишена характерных недостатков, на которые уже указали другие специалисты. Причина видится в том, что он настолько основательно углубился в свою исследовательскую «шахту», что окружающее историческое пространство оказалось неразличимым. Автор по существу смотрит на прошлое глазами охранителей самодержавия. Тем не менее, достоинством работы следует признать то, что независимо от намерений автора, приводимые им документы свидетельствуют, что накануне падения самодержавия политический сыск империи был поражен изнутри. Коррупция, провокации, некомпетентность агентуры, приписки, дезинформация вышестоящего начальства стали обычной практикой жандармской деятельности. Противостоять революции полиция не могла.

Ключевые слова: *Российская империя, Первая мировая война, спецслужбы, армия, революция.*

Автор представил исследование, заслуженно привлечшее внимание рецензентов¹. «Задача исто-

риков, – заявляет он, – приблизиться к пониманию механизма падения монархии, породившего невиданный социальный взрыв...» (с. 9). Однако работа не лишена некоторых странностей. Не буду, однако, повторять замечания рецензентов: в книге есть нечто такое, что

¹ См.: Ульянова Л.В. Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2021. № 2. С. 200–206; Дунаева А.Ю. Рец. на: Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913 – 1917 гг. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. –

648 с. // Российская история. 2021. № 2. С. 207–214.

требует более широкого взгляда на предмет исследования.

Начнем с названия: кому противостояли «спецслужбы, армия и власть» накануне *падения* российской монархии? И неужели социальный взрыв был порождён именно её падением, а не наоборот? Можно ли было предотвратить то, происхождение чего остаётся неясным? Удастся ли прояснить ситуацию с помощью анализа деятельности спецслужб, если известно, что ещё в 1913 г. их руководство «признало неизбежность скорой революции и взяло курс на выработку мер по предотвращению принятия ею характера общенационального вооруженного восстания...» (с. 13–14)?

Так что пытались предотвратить спецслужбы и с кем ни боролись? Именно на этом, всё ещё не решённом, как кажется автору, вопросе сконцентрировано данное исследование. Однако основные его усилия направлены не на объявленное «противостояние», а на рассмотрение ситуации *внутри* спецслужб. Им приходилось решать свои (становящиеся всё более запутанными) задачи, занимаясь самореформированием.

Исследователи задумываются над проблемами эффективности политического сыска в России не впервые². Как полагает В. Хутарев-

² См.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917 гг., М., 2000 [2013]; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *Романов К.С.* Департамент полиции МВД накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.) СПб., 2002; *Здано-*

Гарнишевский, для советской историографии был характерен набор ложных тезисов: коррупция в политической полиции, массовая фабрикация дел и т. п., что якобы составляло соль всей жандармско-полицейской работы (с. 21). Заявление звучит странно: в рецензируемой книге примеров такого рода более, чем достаточно.

В постсоветской литературе одни авторы исходили из того, что Февральская революция была победой народного бунта, другие полагали, имела место «измена элит». Между тем, ни то, ни другое, согласно автору, изначально не вписывалось в предмет ведения политического сыска: «Его основной задачей была борьба с попытками ниспровержения существующего строя прежде всего *революционными партиями и группами* (курсив наш. – В.Б.). И надо заметить, что работа сыска в этом направлении была весьма эффективной» (с. 23). Действительно, накануне Февраля революционные организации были малозаметны. Однако известно, что в определённых условиях они способны восстанавливать силы. Что же помешало спецслужбам не допустить слияния революционеров со стихией массового возмущения?

Раньше историки старались представить полицейских тупыми «защитниками режима». Теперь в них готовы видеть достойных

вич А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство М., 2004; *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012; и др.

стражей самодержавия. Что же им мешало, старается выяснить автор? Оказывается, «набор задач, поставленных перед жандармерией, был столь велик и многообразен, а численность личного состава столь незначительна, что корпус по определению не мог выполнить одинаково качественно весь возложенный на него спектр обязанностей» (с. 554). Во-вторых, органы сыска были ориентированы на противодействие заговорщикам и революционерам, то есть заведомо оказывались бессильными перед массовыми движениями (с. 565). В-третьих, система взаимоотношений охранительных инстанций была законодательно запутана; более того, территориальные органы политического сыска оказывались в двойном подчинении. Наконец, негативно сказывалась «практически полная безучастность императора Николая II к органам безопасности» (с. 555).

Действительно, изъяны такого рода имели место. Однако вряд ли в охранительных структурах их было больше, чем в других ведомствах. Уместно ставить вопрос о разбалансированности системы в целом, отразившейся на слабости отдельного ее звена. Напротив, автор предпочитает рассматривать ситуацию из «своего угла». Соответственно существо проблемы зауживается соответственно используемому кругу источников.

Существует ещё одна причина, «мешающая» автору. За всяким историческим сочинением стоят проблемы современности, «актуализирующие» прошлое. После падения Советского Союза в политической

истории России воцарилось мода на многопартийность. При этом начали с восхваления социалистов и либералов, затем двинулись вправо, сначала осуждая, затем якобы беспристрастно оценивая правых и черносотенцев. Исследовательские приоритеты менялись под латентным давлением политики. Дошло до того, что на прошлую политическую жизнь стали взирать глазами охраны. Книга отражает этот момент.

Хутарев-Гарнишевский старается быть объективным. Он берётся последовательно рассмотреть личный состав и кадровую политику политического сыска, деятельность спецслужб в ходе войны, попытки установления ими контроля над армией, наконец, кризис охранной деятельности. Столь основательные задачи выдвигаются впервые. Используются материалы российских центральных архивов и Центрального государственного исторического архива Украины. Основное внимание уделяется руководителям сыска. Характеристика рядовых жандармов даётся вскользь – главным образом в связи их нехваткой. Между тем, уровень их профессиональной подготовки был крайне низок. С моральным обликом обстояло не лучше – соответствующие примеры приводятся. Отсюда не только коррупция и провокации, но и многочисленные отписки и приписки (в общем характерные для любых организаций такого типа).

Иные из исследователей склонны писать о жандармах с нескрываемой брезгливостью. Автор, со своей стороны, указывает на

«ложные тезисы советской историографии»: коррупцию, массовую фабрикацию дел, «провокацию якобы составлявшую соль всей жандармско-полицейской работы» (с. 21). Между тем подобные представления составляли своего рода общественное достояние. «Ложь, донос, клевета, выдумка, – всё это, часто рождённое личной мстостью и личными счетами – вот основа, на которой происходит, так называемая, борьба старого режима и самодержавного произвола с “крамолой”», – так оценивал охранителей в 1917 г. известный журналист П. Пильский. Конечно, этого «излишне» эмоционального автора легко обвинить в необъективности – естественной в условиях революционной эйфории. Но недостатком информированности он не страдал. «Нигде больше нет такой массы лжи, как здесь, лжи трусливой, гаденькой, подленькой... С этой глубиной лжи может равняться разве только жандармская же мстительность, мелкая, личная, скверная..., – писал он, приводя массу примеров. – Но, в сущности, это – “бюрократия”, такая же равнодушная к смыслу своей “деятельности”, такая же затхлая...»³.

Можно возразить: люди несовершенны, однако отлаженный государственный механизм способен работать вопреки их слабостям. На деле архаичная система патерналистского типа оказывается особо уязвимой именно в связи со своим «человеческим наполнением». В принципе это можно ком-

пенсировать моральной самоотдачей исполнителей. Напротив, их нравственная деградация делает государство беспомощным.

Вместо того, чтобы задуматься над этим, автор старается доказать пагубность реформ в охранном ведомстве, начатых В.Ф. Джунковским. При этом он соглашается, что к началу Первой мировой войны они были необходимы. Тем не менее, проведённые реформы «нанесли тяжёлый удар по безопасности политического режима... Джунковский сломал сложившуюся в 1902–1912 гг. систему политического розыска, но не создал (или не успел создать) ничего ей на замену...» (с. 556–557). При этом автор слишком основательно использует мнения противников Джунковского из того же ведомства (с. 15–16)⁴.

Ранее историки смотрели на дело иначе. И стоит ли делать козлом отпущения человека, пытавшегося (к месту или нет) морально оздоровить полицейскую систему? Джунковский резонно считал, что стукачам не место в Государственной думе. Точно так же он полагал, что военнослужащих не следует оскорблять излишними подозрениями. В прошлом большинство исследователей оценивало деятельность Джунковского именно под этим углом зрения. Да и большевики не сразу расстреляли своего невольного «помощника» в деле избавления от предателя Р. Малиновского. В конце концов, если

³ Пильский П. Охранка и провокация. Пг., 1917. С. 4, 7.

⁴ Рецензенты с таким приемом не согласились. См.: Российская история. 2021. № 2. С. 203–204, 208–209.

государство пытается действовать на правовых основаниях, то должен кто-то осуществлять это на практике? Правда, известно, что наиболее опасное время для негодного режима наступает тогда, когда он пытается «исправиться». Порой этому способствуют именно «честные» его сторонники.

В заключительной части исследования автор обстоятельно перечисляет организационные недостатки системы. Оказывается, «жандармерия являлась одновременно и политическим сыском, и контрразведкой, и военной полицией, и полицией нравов, железнодорожной полицией, в определённых случаях должна была выполнять функции внутренних войск» (с. 554). Возможно, нагрузка действительно была непомерно велика. В связи с этим «борьба военных и полицейских властей заблокировала работу спецслужб...». Однако «военным не удалось поставить своего человека на пост директора департамента полиции», в результате чего в начале сентября 1916 г. последовал «разгром и отставка почти всего высшего руководства МВД и департамента полиции» (с. 560). «Тонкая» работа сделалась невозможной. «Коррупция, примат доноса, некомпетентность агентыры, и нежелание большинства жандармов, назначенных в руководство КРО, конфликтовать с непосредственным военным начальством, – вот основные причины того, почему контрразведка проводила массовые репрессии», – утверждает автор. При этом он отмечает, что «местные жандармские управления оказывали сопротив-

ление противозаконным действиям контрразведывательных отделений» (с. 559).

Казалось бы, места для конспирологических домыслов не остаётся. Однако некоторые авторы в принципе не допускают, что система могла действовать «неправильно», ибо государство – всё, остальное – ничто. Таково воображение людей, зашоренных тотальной подозрительностью. Это по-своему преломляется в некоторых нынешних работах: здесь и восхищение «всевидящим оком», и невольная реабилитация провокации, и даже своего рода апология предательства. Общественная мораль по-своему резонирует и с прошлым, и с настоящим. Это относится и к рецензируемой работе.

В заключительной части книги заводится старая песня: «В конце 1915 – начале 1916 г. руководство департамента полиции получило точные данные от секретной агентыры о наличии антиправительственного заговора в руководящем и старшем офицерском составе армии, о единении части офицерства с парламентской оппозицией и революционными партиями». Об этом конспирологи твердили не раз. В отличие от них, автор признается, что «расследование этих сведений зашло в тупик» (с. 560).

В чём причины общественного тяготения к конспирологии? Это достаточно известно. Иные «первооткрыватели», не обладая должной теоретической и общекультурной подготовкой, поспешно связывают «знаковые» события выдуманностями зависимостями. Чем сложнее объект исследования, тем соблазни-

тельное его упрощенное истолкование. Системно взаимосвязанные процессы примитивизируются особенно часто. Клио словно намеренно устраивает проверку на сообразительность своим служителям. И не надо удивляться и тому, что легковесные «гипотезы» находят отклик в среде лиц, вечно озабоченных поисками «виновных». Всё это характерно для граждански недоразвитых обществ, лишённых чувства сопричастности к «большим» событиям.

Впрочем, в отличие от занудливых конспирологов Хугарев-Гарнишевский излагает свою версию событий не столь навязчиво. Порой его позиция выглядит уклончивой. Похоже, он настолько глубоко зарылся в свою исследовательскую «шахту», что окружающее пространство оказалось неразличимым. Отсюда общий результат.

Особенно удивляет то, что автор смотрит на противников существующего строя глазами его охранников. Так, оказывается, что «со времен Цюрихской межпартийной конференции 1910 г., организованной эсерами, шло объединение работы всех социалистических партий в воинской среде, а во время войны с ними сблизилась кадеты». Более того, после образования военно-промышленных комитетов «появилась легальная площадка для проведения негласных переговоров буржуазии, оппозиционных политиков и общественных деятелей с представителями революционного и рабочего движения» (с. 561). Более того, «важную роль в расшатывании политического режима сыграла политическая деятельность...

Н.В. Рузского и М.Д. Бонч-Бруевича». С другой стороны, «в 1916 г. батюшинская контрразведка в Петрограде стала активно заигрывать с рабочими массами, пытаясь возродить полицейский социализм... а также забрать у полиции функции контроля над крупными промышленными предприятиями». Отсюда следует странный вывод: «Результатом стал рост забастовочного движения в столице накануне революции» (с. 559). Как этому можно было противодействовать? Похоже, автор сожалеет, что «планы совместных действий армии и полиции для подавления беспорядков существовали лишь на бумаге» (с. 564).

К слову сказать, о фигуре генерала Н.С. Батюшина высказывалось и высказывается немало противоречивых мнений. Кое-кому хочется видеть в нем неподкупного борца со шпионами. На деле он сыскал славу человека, неразборчивого в средствах. Некий аноним писал М.В. Алексееву в Ставку 20 февраля 1917 г.: «Комиссия ген. Батюшина, известная в обществе под именем Батюшинской шайки, представляет собой целую армию, составленную из всех отбросов общества, выплывших во время войны: прапорщиков запаса, уклоняющихся от действительной службы, взяточников, вымогателей, шантажистов, пьяниц, мошенников и тому подобных. Вместо того, чтобы заняться розыском немецкого шпионажа... комиссия эта занялась шантажом и вымогательством... Батюшинские молодцы... обивают пороги у родных и близких заключённых, вымогая

деньги за их освобождение... Лица эти, составляя позор для армии, опасны и для государства, подрывая в корне авторитет власти»⁵. Конечно, трудно поверить, что ситуация была настолько мрачной. Однако сказанное почти дословно подтверждается Хутаревым-Гарнишевским (с. 338).

Последние месяцы существования самодержавия были наполнены таким количеством взаимных обвинений, наветов, клеветы, основанных на слухах, что, казалось, исследователь может выстроить любую версию событий. Относительно Батюшина говорили, что он (как и Б.В. Штюрмер) пользовался услугами известного афериста И.Ф. Манасевича-Мануйлова⁶. Утверждали даже, что Мануйлов состоял у Батюшина секретарем⁷. Как бы то ни было, сложилось мнение, что «весь процесс Мануйлова – это сплошное обвинение нашей администрации, такой неразборчивой в своих орудиях и средствах управления»⁸.

Мануйловых арестовывали, но система разваливалась. И не приходится удивляться, что генерал Батюшин вместо того, чтобы ловить шпионов поближе к линии фронта, принялся искать их среди столичных банкиров. Разумеется, это была мутная публика. Но сомнительно, чтобы их денежные аферы и политические интриги

были связаны с настоящим шпионажем.

Система была обречена. Удивительно, однако, что автор, соглашаясь на этот счет, опирается только на мнение жандармов. При этом склонность охранителей сгущать краски не учитывается. Это также вызывает разочарование.

Тем не менее, нельзя не отметить, что в целом автор представил текст, заслуживающий серьезного внимания со стороны исследователей революции. Хотя политический сыск был занят делами революционных организаций, в департаменте полиции отложились и сведения о росте забастовочного движения в столицах, и данные о росте цен на продукты в Петрограде (С. 589–590). Спрашивается, что мешало власти предпринять соответствующие меры? Или действительно «за 1916 г. спецслужбы настолько свыклись с неизбежностью приближающейся революции и своей неспособностью ее предотвратить, что фактически пассивно приняли факт свержения монархии» (с. 564).

В заключение, отталкиваясь от названия книги, хочется спросить: кому же по-настоящему пытались противостоять спецслужбы – социалистам, либералам, националистам? И могла ли их работа быть эффективной, если империя разваливалась *изнутри*, не исключая самих органов политического сыска? Прохудившиеся сети охраны могли выловить десяток другой революционеров и даже нескольких зазевавшихся шпионов, но остановить поток революционного возмущения они были не в состоянии.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 94.

⁶ Там же. Д. 1059. Л. 939; Д. 1060. Л. 1037; Д. 1063. Л. 1323; Д. 1067. Л. 1338.

⁷ Там же. Д. 1060. Л. 1098.

⁸ Там же. Д. 1071. Л. 50.

А всеобщее возмущение, принявшее массовый характер, в немалой степени подогрело действия самих спецслужб.

Менее всего хотелось бы поставить под сомнение ценность сделанной автором работы. В любом случае привлечённый им ма-

териал (особенно «побочный») весьма существенно обогащает наше представление о психосоциальной обусловленности назревающей революции. Заявленное в заглавии книги «противостояние» ей оказалось делом безнадёжным.

Список литературы:

1. Дунаева А.Ю. Рец. на: Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913 – 1917 гг. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 648 с. // Российская история. 2021. № 2. С. 207–214.
2. Ульянова Л.В. Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2021. № 2. С. 200–206.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

HISTORIAN AND THE GHOST OF THE POLICE STATE (KHUTAREV-GARNISHEVSKY V.V. CONFRONTATION. SPECIAL SERVICES, ARMY AND AUTHORITY ON THE EVE OF THE FALL OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1913 – 1917. M.: GAIDAR INSTITUTE PUBLISHING HOUSE, 2020. – 648 S.)

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The review shows that although the author of the book has done very thorough research, his book is not without characteristic shortcomings, which have already been pointed out by other experts. The reason seems to be that he delved so thoroughly into his research “mine” that the surrounding historical space turned out to be indistinguishable. The author essentially looks at the past through the eyes of the guardians of autocracy. Nevertheless, the merit of the work should be recognized that, regardless of the author’s intentions, the documents he provides indicate that on the eve of the fall of the autocracy, the political investigation of the empire was struck from within. Corruption, provocations, incompetence of agents, postscripts, misinformation from higher authorities have become a common practice of gendarmerie activity. The police could not resist the revolution.

Keywords: *Russian Empire, World War I, intelligence services, army, revolution.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, 117292, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Dunaeva A.Yu., *Rec. na: Hutarev-Garnishevskij V.V. Protivostoyanie. Spetsluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossijskoj imperii, 1913 – 1917 gg. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2020. – 648 s., Rossijskaya istoriya, 2021, № 2, S. 207–214.*
- Ul'yanova L.V., *Politicheskij sysk i russkaya armiya nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny, Rossijskaya istoriya, 2021, № 2, S. 200–206.*

Статья поступила в редакцию 08.10.2023г.

Подписана в печать 15.12.2023 г